

Т.Г. Галушко

ФРАКТАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается метафора фрактала как категория обобщения для понимания сложных структур фрактальной семиотики в лингвистике и в других гуманитарных науках на основе итераций. Фрактальность метафоры определяется как когнитивная структура метафоры в контексте научного и делового общения на основе экстраполяции фрактальности сознания и мышления.

Ключевые слова: фрактал, метафора, метафоричность, фрактальность, итерация, фрактальная семиотика, мышление, когнитивная структура.

FRACTAL INTERPRETATION IN LINGUISTICS

The article deals with the metaphor of a fractal as a category of generalisation for understanding complex structures of fractal semiotics in linguistics and in the other humanities based on iterations. The fractality of the metaphor is defined as the cognitive structure of the metaphor in the context of scientific and business communication on the basis of extrapolation of fractality of the consciousness and process of thinking.

Key words: metaphor, fractal, fractality, cognitiv structure, iteration, fractal semiotic, consciousness, process of thinking.

Для современного общества характерны высокий уровень интеллектуализации труда и высокоинтеллектуализированные практики синтетических профессий, креативная культура, креативный тип личности (хомо креатор), обладающий принципиально новым типом мышления, это приводит к развитию человеческого интеллекта и мыслительных способностей. Интуитивное стремление к гармонии лежит в основе творческого импульса, поэтому во многих произведениях творческой деятельности человека наблюдается ярко выраженная фрактальная структура как результат осмысленного или неосмысленного повторения механизмов вселенского творчества. Естественно-природные фракталы (например, шум морского прибоя или очертания форм облаков) являются носителями гармонии, отображаемой человеком в его творчестве посредством семантических образов и в моделях своего духовного совершенствования. Изображение, звук, слово, эмоция, мысль – все это разные языки, разные фрактальные модели, говорящие об одном и том же и благодаря одному и тому же.

Фрактальная парадигма XXI в. открывает вслед за синергетикой второй половины XX в. простор для оригинальных решений сложных проблем в нелинейных системах как естественно-

научного, так и гуманитарного знания и служит «путеводной звездой» в среде нелинейных и запутанных эффектов окружающей реальности.

Гуманитарное и философское мышление начинает постепенно осваивать принцип фрактальности. Фрактал, повторяясь в каждой своей части и в частях этих частей, меняясь в масштабах, сохраняет свою структуру, это не математическая фантазия, это один из способов описать сложные явления и инструмент, облегчающий осознание и восприятие самоподобия.

Фрактальность стремительно становится одной из самых емких метафор для объяснения и понимания мира, она позволяет рассматривать сложные процессы мышления и сознания на новом уровне понимания сложности итераций и асимптоты, но «надо помнить, что во фрактальном рассуждении речь идет о наивысших категориях обобщения» [11, с. 227].

В середине 70-х гг. XX в. Бенуа Б. Мандельброт, исследуя береговую линию Англии, ввел понятие «фрактал» (от латинского *frangere* – ломать, разбивать на части), он пришел к выводу, что длина ее неопределима, потому что бесконечно делима. Понятие «фрактал» распространилось от математики до гуманитарных наук для описания сложных явлений различного характера на основе фрактальности как самоподобия и бесконечных итераций, поэтому научная мысль начинает постепенно осваивать этот принцип структурирования знания.

Тип фрагментарно-аналитического мышления, ориентированного на статику, постепенно переходит в ассоциативно-синтетический, ориентированный на динамику. Если смысл аналитической деятельности в прокладывании границ, то синтез связан с ассоциативностью, под которой понимается сочетание, объединение двух понятий нечеткой, но быстрой связью, при этом возникает образ со стертыми внутренними границами, что ведет к абсолютизации динамичности мышления.

С точки зрения Бенуа Мандельброта, естественное и искусственное различаются степенью сложности, «неправильности» и фрагментированности, природу отличает не просто высокая степень сложности, а совершенно иной уровень сложности (горы не являются конусами, береговые линии нельзя изобразить с помощью окружностей, а путь молнии не прямолинейный). Основная идея фрактала – форма, описывающая природу: с одной стороны, фрактал – это геометрическая фигура, с другой, – у него отсутствует четкий визуальный образ. Согласно В.В. Тарасенко, фрактал – не визуальный образ, а процессуальный язык. Форма фрактала зависит не от образа или воспроизводимого в итерациях паттерна. Это форма зависит от характера бесконечных итераций – способа преобразования [10, с. 30]. Мы узнаем фракталы в вещах, ранее не ассоциированных с фрактальной геометрией. Ю.С. Степанов в парасловии к работе В.В. Тарасенко отмечает: «во фрактальном рассуждении речь идет о наивысших категориях обобщения, фракталообразующие сюжеты: Фрактал, Семиотика, Итерация, Асимптота» и приводит итеративное и кумулятивное определение стиля: стиль есть фрактал [11, с. 227]. Можно расширить данное определение следующим образом: когнитивный, индивидуальный, креативный стиль – это фрактал, хотя все, что связано с творчеством, стилем творчества «арбатская школа» определяет через асимптоту, через метафору асимптоты (первоначально математическое понятие) в широком гуманитарном контексте. Некоторые метафоры о стиле: стиль – это сам человек (Бюффон), Стиль – это отнюдь не только «почерк» (Брехт).

В данной статье мы не рассматриваем теорию метафоры, значительно разработанную в последнее время (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.Г. Гак и др.), а пытаемся объяснить универсальный структурный изоморфизм фрактала (фрактальная семиотика) и метафоры (метафорическая семиотика) на уровне паттернов когнитивной деятельности. Широкие когнитивные возможности метафоры могут раскрываться в топикальном или «телеграфном» типе речи, где ситуация рисуется топикально, как бы отдельными мазками, в качестве которых выступают имена как опорные элементы, которым соответствует не только предмет, но целая ситуация (сцена или фрейм). Метафора используется как опорное имя, а остальное содержание подразумевается

имплицитно и понимается реципиентами. Это способ репрезентации новой мысли о мире, свидетельство того, что в процессе когнитивной деятельности человек познает мир и преобразует его в своем сознании. Это активизация когнитивных потенциалов, которая свидетельствует об усложнении мыслительной деятельности человека в процессе познания мира и об активизации когнитивной функции языка в ходе отображения мира. И это иллюстрирует способность языка адаптироваться в условиях усложнения мысли человека, его когнитивной деятельности и связано с возможностями коммуникативной функции языка, с адекватной репрезентацией когнитивной деятельности. Когнитивные потенциалы метафоры раскрываются не только в топикальном типе речи, значительно увеличивается уровень метафоричности в научной речи, деловом общении, особенно на уровне вербализации индивидуального креативного сознания, в новой терминологии в различных областях науки и техники. Поэтому тезис Т.М. Николаевой «язык развивается в сторону увеличения передаваемой информации в единицу времени» [8, с. 381] можно расширить, как мы полагаем, и на единицу языка, т.е. семантическая концентрация слова за счет метафоричности увеличивается, язык развивается в сторону совершенно особого уровня сложности. Чем больше концентрация информации, тем больше метафоричность языка, тем больше метафор.

Естественный язык, находясь в циклической операциональной замкнутости, вообще не разрушается, а наоборот – расширяется и развивается вследствие самореференции [10, с. 39]. Метафоры есть следствия, посредством которых они высвечивают определенные стороны нашего опыта и обеспечивают их связность. Определенная метафора может быть единственным способом высвечивания ...нашего опыта. Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может быть ориентиром для будущих действий... Такие действия, конечно, будут соответствовать метафоре [5, с. 184].

Диалектический интеллект рождается из столкновения потока и противотока мысли, сознания и бессознательного. Появление мысли в нашей голове осуществляется по образцу моделирования фрактала на экране компьютера. Например, Интернет – инструмент динамичного обмена информацией и энергией, всемирное информационное пространство, сложный многомерный социокультурный феномен, его ключевые гуманитарные категории и понятия возникли на основе метафор (паутина, электронная нервная система, галактика, ризома. I-day, интерфейс, матрица мира, супермозг, электронная агора, электронная соборность, третья природа, вторая природа и т.д.). Метафора делает возможным постижение сложных смыслов, ее фрактальная природа обнаруживает совершенно иной уровень сложности. Б. Пастернак писал: «Метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа».

Структура сознания сложна и фрактальна, можно привести некоторые метафоры: сознание – это свет, который все освещает и везде проникает (Сколимовский); сознание – это всепроникающий эфир в мире или, как сказал бы Вернадский, громадное тело, находящееся в пульсирующем равновесии и порождающее новые формы (Мамардашвили); сознание – это светящаяся точка, таинственный мир перспективы, в котором мгновенно приводятся в связь, в соотношение то, что человек видит, чувствует, переживает, думает (Мамардашвили); сознание есть открытость миру (Мерло-Понти).

Рассмотрим фрактальность мышления и соответственно на основе экстраполяции постулируем фрактальность метафоры как специфического способа познания прежде всего на уровне вербализации креативного научного мышления. «Мышление или мысль есть сложное явление. Есть знание или мысль как содержание, а есть знание или мысль как явление, то есть реальное событие в мире. И, как реальное событие, оно иное, отличное от своего содержания, хотя в качестве события высказывает содержание. Вот это нужно ухватить, во-первых, а, во-вторых, что оно индивидуально» [7, с. 318]. М. Мамардашвили в «Лекциях о Прусте» рассуждает: «Мысль в становлении и есть мысль. Мысль, которая себя выражает, мысль, которая себя строит, в момент построения самой мысли, в момент

развития этой мысли... и есть мысль. Каким образом удержать мысль живой? Для этого нужно постоянно трансгрессировать в самой мысли. В мысли всегда есть некоторая избыточная энергия, которая требует для себя нового определения, нового хода и поворота, нового повторения, и только в этом мысль является мыслью» [6, с. 131]. Характеристика мысли через префикацию «нового хода и поворота, нового повторения» свидетельствует о фрактальной структуре мысли.

В.А. Подорога характеризует метафоричность речи М. Мамардашвили: «Мераб Константинович двигался как бы метафорическими пластами, у него постоянно идет возобновление метафорического языка. Он выступал как бы первоадресателем» [9, с. 139]. В.В. Тарасенко называет это «фрактальным блужданием и становлением смысла» [10, с. 225].

М. Мамардашвили осмыслял свое речевое искусство и придавал ему большое значение. Он прояснял все более, что можно назвать конститутивной ролью языка в познании, в культуре и в жизни человека, особенно конститутивной ролью поэзии в формировании новых смыслов и ценностей культуры.

Всякая появляющаяся вещь в точке пространства мысли всегда должна быть названа по месту телесной возможности воспроизведения. Можно сделать даже отдельную классификацию метафор М. Мамардашвили, но они у него связаны больше с психомоторными явлениями и с явлениями физической перегрузки, которую испытывает тело в момент речи. Если задана программа какая-то и в каждом повороте мысли, ты должен к ней вернуться, то нужно удерживать ряд параллельных точек, параллельных метафор, уметь их замещать, чтобы удержать начальную ситуацию мысли. Метафоры являются знаками телесного напряжения, организуемого собственным интеллектуальным движением. Этими метафорами М. Мамардашвили не обозначал какие-то понятийные ряды, но передаваемый смысл рождается из того, что он эти ряды постоянно метафоризирует, т.е. он постоянно вводит несобственный язык выражения по отношению к предмету, казалось бы, обладающему собственным языком, – например, «перебой сердца», точка равнодействия, возврат, переворот, как усилие удержать саму точку размышления. Метафоры как бы насыщают интеллектуально-метафорической кровью само размышление. Согласно В.В.Тарасенко, «метафоры познания ищутся в ощущениях» [10, с. 140].

М. Мамардашвили пишет: «...страсть и действие суть одно и то же, рассматриваемое относительно двух разных субъектов или носителей. Нечто, рассматриваемое по отношению к тому, кто вызывает и производит, называется действием, и оно же, рассматриваемое с точки зрения того, кто претерпевает, называется страстью» [7, с. 321]. Источник смысла и страсти, видимо, эта возникающая страсть объясняет «неудержимость онтогенеза», о которой говорил генетик А.Г. Гурвич.

Ю.С. Степанов цитирует В.В. Тарасенко: «Чтобы что-то понять и воспринять, человеку надо эмоционально пережить свое новое восприятие. Это восприятие есть у Мандельброта, и он доносит его до читателя. Мандельброт производит изменение восприятия читателя, необходимое для понимания нового знания» [11, с. 226].

Согласно М. Мамардашвили, когитальное состояние сознания внутренне определяет всю «жизнь сознания»: чувство, восприятие, память, воображение, переживание, поскольку оно происходит не где-то в человеке, а с человеком во всем его существе. Научиться мыслить нельзя. Мысль сугубо личное, посещает нас (или не посещает), и это посещение происходит «вдруг», «внезапно», «случайно». Причем каждый раз все надо начинать сначала, воссоздавать это начало, потому что мысль держится «волной» начинающего, воссоздающего усилия [6, с. 541]. Жиль Делез в книге «Марсель Пруст и знаки» пишет: «Философской идее «метода» Пруст противопоставлял двоякую идею – «принудительности» и «случая». Истина зависит о встречи с чем-то, что принуждает нас думать и искать истинное.... Именно случайность встречи гарантирует необходимость мысли» [3, с. 23].

Анализируя М. Пруста, М. Мамардашвили подчеркивает: жизнь не выражается, не отражается – впервые исполняется (чувством, смыслом, пониманием) в произведении... Мы находимся в точке,

где занимаемся вопросом необходимости художественного акта, мысль рождается на свет не только с помощью Сократа-повитухи, она ищет некую прекрасную форму, чтобы в ней зачатая и родиться [6, с. 321], художественную форму – метафору.

«Философский элемент» – это экзистенциальный тонус сознательной жизни. Напряжение, создаваемое двумя полюсами. Назовем их онтологический (тут мне важно подчеркнуть логический) и лирический. Исполнение мира М. Мамардашвили называет когитальным состоянием сознания, и только в нем возможны первичные оригинальные. Настоящие – чувство, восприятие, переживание (волнение), понимание. Только в нем они получают смысл восприятия, понимания настоящего реального самих вещей. Метафорический язык неопределен и метафоричен, в элементе, начале, средоточии, как в семени, содержатся – в неделимом единстве – все измерения, формы, интенции возможной жизни сознания: теоретизирование и переживание, этос и эстетизис...). Отсюда метафорическая проницаемость этих сфер. Границы эти тонут в неопределенной жизни сознания [6, с. 429].

Если «философский элемент» (слитый в жизни сознания) с элементом теоретическим, художественным, нравственным) неотъемлем от жизни сознания, даже образует его начало, т.е. то, чем она жива во всех проявлениях, то и самые элементарные, казалось бы, натуральные функции и способности коренятся в тех же началах. Благодаря философскому элементу мысли мы вообще способны думать. Любая философия поэтому – не столько результат мысли, сколько определенное самораскрытие ее, мысли, собственного пути, своего рода орган мысли, точнее говоря, ее внутренний субъект. Мы даже видим, слышим, говорим, воображаем житейски переживаем благодаря некоему по природе своей художественному акту, лежащему в началах зрения, слуха, речи, языка, эмоции. Можно было бы сказать поэтому, что живопись есть самораскрытие зрения и зримости. Искусство зрения, зрение как искусство, а самый элементарный акт зрения как бы протоживописен. Зрение в живописи, звук и слух в музыке, язык и речь в поэзии перестают быть средствами и раскрываются в своей полноте и изначальности, что значит не только в своей феноменальной материальности, но и как индивидуализированная творящая форма, воплощающаяся в этой материи. Поскольку в поэзии, допускаем мы, язык с наибольшей полнотой раскрывает свои возможности, в ней-то и следовало бы находить истинное языкознание [6, с. 40, 74].

Бытие – это необходимо акцентируемая кромка языка, в котором доминирует отсылающее-указующая роль, и это рациональный язык. Стать по ту сторону языка и бытия – не значит ликвидировать их, но значит выйти к открытому истоку языка как эффекта осознания, выйти к истоку бытия как эффекта события. Таким истоком является смысл, событие смысла. Мы фиксируем этот открытый исток как феномен и как структуру. Но выйти к этому истоку – значит включить внерациональные акценты в речи (актуальном языке) и событийности (актуальном бытии), а именно открыть это поле смысла как художественно-выразительное. Эта феноменальная структура смысла только так и может стать помысленной – так, как она непосредственно раскрывается в своем прямом, не опосредованном инобытийными отсылками выражении, так, как она обнаруживается в организованности художественной экспрессии [4, с. 128].

Приведем некоторые метафоры о метафорах: метафора – это язык страсти (Роджерс), коллапс значения (Рикер), черная дыра языкового мира (Фрезер), категориальная ошибка ((Райл), солнечное затмение в языке, «Метафорична сама мысль» (Ричардс).

Наука демонстрирует метафоричность научной мысли в полной мере. Мы имеем дело с развитием наших способов понимать новые факты, которые не находят себе места в рамках причинного описания. На стадии открытия самое главное – вербализовать новое знание. Например, Бор

в своей модели атома использует структуру солнечной системы, атомы у него бильярдные шары, Максвелл представляет электрическое поле через свойство жидкости.

Использование метафор в познании мира – один из наиболее успешных инструментов, поскольку метафоризация «является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью другой системы, где данный элемент представлен более очевидно [2, с. 17].

Основная функция языка не в передаче информации и осуществлении референции к независимым от него сущностям, а в ориентации ориентируемого в его собственной области [1, с. 23]. В этом плане язык представляется не столько отсылающее-указующим, сколько категориально различающим, феноменально проясняющим познание мира через метафору, – например, метафору культуры: культура – это плодотворное существование (Б. Пастернак); рост мира есть культура (А. Блок); культура – это язык, объединяющий человечество (о. Павел Флоренский); культура – это среда, растящая и питающая личность (о. Павел Флоренский); культура – это связь людей (М. Пришвин); культура – это усилие быть человеком (М. Мамардашвили); культура – это зачатие хаоса (А. Белый); вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость (О. Мандельштам).

В эпоху стремительно наступающих перемен отчетливо выступает на первом плане метафоризация как динамический аспект языка и мышления, как вербализация синтетического метода познания и занимает едва ли не первое место по возможностям отвечать на вызовы времени на основе ее универсального когнитивного потенциал, приобретая статус *vir*.

«Возможно, любая наука начинается с метафоры» и завершается метафорой, поскольку жесткий детерминизм применим только в предельно простых случаях. Выяснилось, что метафора – самая плодотворная вещь в науке, а художественное сознание обогащено научными достижениями (метафора космического века), научное сознание, в свою очередь, обнаруживает черты художественного (метафоричность языка науки). Метафора между художественным и научным мирами: например, новое изобразительно-выразительное средство – метаметафора Константина Кедрова.

Чем больше концентрации информации, тем больше используется метафор, тем больше метафоричности, причем, пути возникновения как интенсивные, т.е. имеющиеся метафоры расширяются, приобретают новые значения: например, механизм, организм, инструмент, поле, канал и другие слова широкой семантики обнаруживают тенденцию к модификациям метафоры (метафорическая контекстуальная экспликация), такая метафора свежа и инновационна, так и экстенсивные, т.е. возникновение новых метафор при креативном мышлении: например, сердце-менеджер, менеджер-сердце, нитроглицерин под языком и под рельсами – и «между двумя значениями слова возникает, как говорят физики, «туннельная связь», слово как бы умирает... и вдруг в конце туннеля – ослепительный противоположный смысл» и др. У Дж. Лакоффа и М. Джонсона в этом случае три варианта творческой метафоры: расширение уже используемой части метафоры; примеры, относящиеся к неиспользованной части общепринятой метафоры; собственно новая метафора, ранее не использовавшаяся для структурирования соответствующей части обычной понятийной системы человека и тем самым представляющая собой новый способ осмысления [5, с. 90].

В недавно опубликованной книге С. Титц, Л. Коэн, Дж. Массон «Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений» целая глава посвящена метафоре, через которую понимаются процессы создания значений в организациях и объясняется новая социальная и организационная реальность и проблемы управления, лидерства, корпоративной культуры и др. Авторы подчеркивают порождающую функцию метафоры, присущую ей возможность создавать новые

способы видения мира: «Метафоры придают смысл и могут создавать новые представления только на основе традиционных и общепринятых» [12, с. 65]. «Метафоры помогают нам увидеть мир в особом свете, подчеркивая определенные аспекты знаков / тематических полей» [12, с. 63], но при этом скрадывая другие особенности, т.е. метафоры «открывают» и «скрывают» [Там же]. Согласно Моргану, использованию одних и тех же метафорических фреймов (организация – организм, организация – механизм) противопоставляется плюралистический подход к использованию таких фреймов (рефрейминговый подход, рефрейминг): например, организация – паук, организация – театр, организация – облака и др., следовательно, метафорический подход необходимо понимать не как жесткую модель, а как сенсibiliзирующий (активизирующий внимание) процесс, направленный на «выявление множества форм значения и их интерпретацию. Морган подчеркивает потенциал метафоры в процессе воображения, с помощью которого люди определяют или описывают характер жизни организации». Поиск новых метафор продолжается, и они позволяют нам понимать новое, связывая это с тем, что мы уже знаем, они создают новые концептуальные мосты и дают возможность по-новому взглянуть на мир [12, с. 88].

Метафоры и образы – важнейшие части смысла и понимания, именно с их помощью человек может возбуждать свои эмоции и психические состояния, способствующие творчеству, они являются важнейшей частью интуиции ученого, благодаря которой появляются новые теории и представления. Как отмечает В.В. Тарасенко [10, с. 23], на смену анализу приходят синтез и холизм, образы и эмоции реабилитируются в научном дискурсе. Бурно развивается телесная парадигма в гуманитарных науках. Демаркации науки и искусства, казавшиеся прочными, сместились. Развитие технологий визуализации в компьютерных науках позволили говорить о новых – визуально-образных способах научного мышления.

Форма фрактала зависит от характера бесконечных итераций – способа преобразования, его суть – в формировании итерационного процесса формообразования. Ситуации устойчивости понимания описываются классическими структурами, ситуации неустойчивости понимания – фрактальными структурами [10, с. 43].

Процесс познания – это процесс блужданий, языковых игр и экспериментов, хаотичность которых дает возможность настроить, сфокусировать образ объекта познания, превратить его в понимание. Фрактальное блуждание и есть хаотичная структура этих когнитивных движений [10, с. 124].

Через фрактал, согласно Мандельброту, происходит изменение восприятия читателя, необходимое для понимания нового знания. Чтобы что-то понять и воспринять, согласно В.В. Тарасенко, человеку надо эмоционально пережить свое новое восприятие [Там же].

Должна появиться необходимая «температура», энергия для индивидуального прохождения фрактальной зоны смысла, когнитивного канала (эмоционально-волевой тон, по М. Бахтину) для перехода из хаоса к порядку, от бесструктурности к структуре для извлечения из хаоса дифференциалов, способных интегрироваться в регулярные восприятия (по Ж. Делезу, сингулярностей).

В концептуальном явлении «метафора» обнаруживается слияние «двух когнитивных типов мышления: пространственно-образного и знаково-символического. Постоянное повторение элементов опыта (итерации) приводит к формированию метафорических категорий (итерации) – образ из одной области опыта используется для структурирования другой области опыта, образуя фрактальную семиотику на основе когнитивного креативного стиля (фрактала). Форма фрактала и метафора зависят от характера бесконечных итераций, способов преобразования. Метафора не мыслится как завершенная, предсказуемая, она, как и фрактал, противится быть образцом, она открыта новым

образам, это, скорее, то, что хотим увидеть, а не то, что есть. Она напоминает «монстра», который обретает видимость, когда мы его вызываем, но он не всегда появляется на наш зов.

Итак, фрактальная интерпретация позволяет по-новому рассмотреть сложные нелинейные лингвистические проблемы и стимулирует выработку концептуальных решений и построение моделей на уровне перехода «от существующего к возникающего», в котором процесс и результат «стянуты петлей обратного влияния».

-
1. Аршинов, В.И. Когнитивные стратегии синэргетики / *Онтология и эпистемология синэргетики*. – М., 1997. – С. 23.
  2. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // *Метафора в языке и речи*. – М., 1988. – С. 11–26.
  3. Делез, Ж. Марсель Пруст и знаки / пер. с франц. Е.Б. Соколова. – СПб.: Алетейя-СПб., 1999.
  4. Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1999.
  5. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. – М.: Едиторал УРСС, 2004.
  6. Мамардашвили, М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / ред. Е.В. Ознобкина., И.К. Мамардашвили, Ю.П. Сенокосов. – М., Ad Marginem, 1995.
  7. Мамарашвили, М. Картезианские размышления. – М., 1993. – С. 318, 321.
  8. Николаева, Т.М. Лингвистика начала XXI века: попытка прогнозирования // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы*. – М., 1995. – Т. 2. – С. 381.
  9. Подорога, В.А. Начало в пространстве мысли (Мераб Мамардашвили и Марсель Пруст) / *Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили*. – М.: Прогресс, 1999.
  10. Тарасенко, В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. – М.: Либроком, 2009.
  11. Степанов, Ю.С. Заключительная статья. Парасловие / В.В. Тарасенко // *Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания*. – М.: Либроком, 2009. – С. 224–228.
  12. Титц, С., Коэн, Л., Масон, Д. Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений / пер. с англ. – М.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.